

УДК 81'42:272

СРЕДСТВА ВТОРИЧНОГО СЕМИОЗИСА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЖУРНАЛИСТА

П. А. Лекова

Лекова Патимат Абдулаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Liekova65@mail.ru

В статье исследуются средства вторичного семиозиса, невербальные способы интенсификации читательского восприятия, характерные для журналистской практики дагестанского публициста Хаджимурада Камалова. Журналистский текст рассматривается в статье как результат совмещения вербального текста и всех невербальных средств, с помощью которых автор апеллирует к аудитории и заявляет о себе как о языковой личности.

Ключевые слова: публицистический дискурс, журналистский текст, средства вторичного семиозиса, языковая личность, речевой портрет личности.

The Means of Secondary Semiosis as a Way to Identify the Characteristics of a Journalist's Speech Portrait

P. A. Lekova

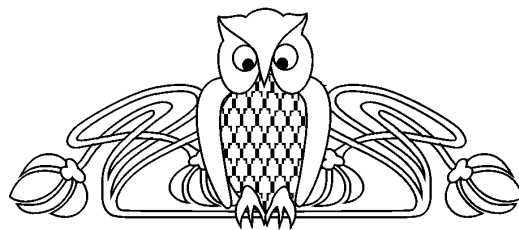
Patimat A. Lekova, ORCID 0000-0002-7725-1137, Dagestan State University, 162, Rakhmatulaev Str., Makhachkala, 367009, Russia, Liekova65@mail.ru

The article studies the means of secondary semiosis, non-verbal means of intensifying the reader's perception, characteristic of the journalist style of the Dagestan journalist Khadzhimurad Kamalov. A journalist text is considered in this article as a result of combining a verbal text and all non-verbal means, which help the author to address the audience and emerge as a linguistic persona.

Keywords: journalistic discourse, journalist text, secondary semiosis means, linguistic persona, personality speech portrait.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-266-270

Журналист как языковая личность осознаёт себя участником публицистического дискурса, который требует от него постоянной мыслительной и творческой активности, направленной на поиск оптимальной модели воздействия на реципиента. Публицистический дискурс, будучи одним из видов медийного дискурса, представляет собой совокупность журналистских текстов. По мысли З. Йегера, это «тексты определенного политического направления, которые опираются на социально-историческую ситуацию, сложившуюся в данный момент в обществе»¹. Вербальное и невербальное в публицистическом дискурсе тесно связаны между собой, что отчётливо проявляется в способах репрезентации авторского текста в СМИ различного типа.

Автор журналистского произведения неизбежно реализует в своём тексте два не противоречащих друг другу начала: он стандартизирует восприятие читателя и актуализирует экспрессивное индивидуально-авторское отношение к описываемым явлениям. Речь журналиста может быть расценена как речь коммуниканта, «который стремится быть понятым, а потому умело использует все возможности языка»².

Говоря о стратегиях воздействия автора публицистического текста на реципиента, нельзя не обратить внимания на средства вторичного семиозиса (от греч. *σημαντικός* – обозначающий; семиозис – процесс порождения и функционирования знаков), которые свидетельствуют об авторских интенциях и, соответственно, могут рассматриваться как один из способов идентификации черт речевого портрета автора. В авторском публицистическом тексте средства вторичного семиозиса востребованы в соответствии с желанием публициста заявить о своём авторском «Я» и реализовать функцию воздействия на реципиента путём актуализации зрительного восприятия.

Поле невербальных средств, заявляющих об авторских интенциях, может быть сформировано, по мысли В. Т. Садченко, «средствами делимитации (графической сегментацией текста и его расположением на бумаге: абзацное членение, количество отступов, длина строки, пробелы между абзацами и другими фрагментами текста); средствами графического выделения (жирный / сплошь прописной / более мелкий и т. п. шрифт, курсив, разрядка); средствами иконическими (рисунок, таблица, схема, чертеж; к ним могут быть отнесены вспомогательные знаки типа звездочек, линеек и т. п.), а также фигуративными знаками, т. е. знаками иных систем, например, математико-формализованной знаковой системы как максимально структурированной и максимально формализованной»³.

Основной целью исследования, предпринятого в рамках данной статьи, является описание функций авторских знаков и других графических средств в журналистских текстах Х. Камалова, учредителя дагестанской общественно-политической газеты «Черновик», издателя, лауреата премии им. Андрея Сахарова. Материал для исследования был выписан методом сплошной выборки из статей журналиста, опубликованных

в дагестанском русскоязычном еженедельнике «Черновик» (далее – ЧК) с 2009 по 2013 г.⁴

Средства вторичного семиозиса, актуализированные с целью привнесения дополнительных смыслов, расширяющих глубину понимания и интерпретации газетного материала, в статьях Х. Камалова заявляют о себе прежде всего на уровне абзачного членения авторского текста. По наблюдениям В. Т. Садченко, абзачное членение в силу своей повторяемости, регулярности, важности для передачи авторских смыслов и дешифруемости для читателя «может быть квалифицировано в качестве доминанты»⁵ в системе средств вторичного семиозиса.

Применительно к публицистическому дискурсу нельзя не учитывать того обстоятельства, что газетно-журнальные тексты подвергаются редакторской и другим видам правки в соответствии с требованиями дизайнера печатного СМИ, его концепции и т. д. Тем не менее, возможно выделить собственно авторские подходы к абзачному членению текста, зафиксированные в текстах, размещённых в различных СМИ.

Так, тексты Х. Камалова характеризуются пристальным вниманием автора к оформлению первого абзаца. Практически во всех публикациях присутствует так называемый лидер-абзац, в котором он излагает основную идею последующего текста. Как правило, лидер-абзац выделяется жирным шрифтом, привлекая внимание читателя и призывая его сконцентрироваться на основной идее текста.

В отличие от классического лидер-абзаца, эта часть текстов Х. Камалова достаточно объёмна (в некоторых случаях объём этого абзаца составляет не 3–4 предложения, а 10–15). В этом случае автор считает необходимым сделать абзацные отступы внутри лида, чтобы облегчить читательское восприятие. Тенденция к увеличению объёма лидер-абзаца, наличие в нём дополнительных средств семиозиса (повторяющиеся знаки препинания, в том числе двоянные, многоточия, шрифтовые выделения, подчёркивания и т. д.) свидетельствуют о том, что автор отчётливо осознаёт полемическое начало своего произведения и ощущает свою включённость в полемический дискурс.

Идентифицируя черты речевого портрета автора газетно-публицистического текста, нельзя не обратить внимания на то, какие именно лиды он предпочитает использовать. С учётом классификации М. И. Шостак можно выделить следующие разновидности лидер-абзацев: 1) резюме, или краткое изложение материала (результатов); 2) репрезентативный, который выделяет только один важный аспект; 3) драматический, в котором задана конфликтная ситуация; 4) цитатный; 5) вопросительный, основанный на риторическом приеме дубитации; 6) аналитический; 7) анонс⁶.

Об очевидных авторских намерениях, связанных с реализацией установки на вовлечение читателя в диалог по проблеме, призывом к кон-

кретным действиям, к формированию объективной оценки современной ему действительности, свидетельствуют, прежде всего, аналитические лидер-абзацы, к которым тяготеет Х. Камалов. Логика их построения манифестирует стремление автора размышлять по актуальным вопросам современности совместно с читателем.

В вопросительных лидер-абзацах автор использует от трех до пяти вопросительных предложений. Практически в каждом из лидов этой разновидности он использует обращения, в особенности риторические. В качестве актуализаторов читательского внимания выступает не только сам абзац, но и знаки препинания, используемые при ступенчатой актуализации отдельных слов или выражений, обращений: *Глава... Правитель... Властелин... Так ли ты свободен, как слишком лестно думаешь о себе? Оглянись... И что ты видишь? Свою свирепость, которой никто не боится, кроме окружающих тебя твоих служек? Так оно так и есть – кроме этих окружающих тебя лизоблюдов, тебя никто не боится; Кто не знает, как и где учился каждый кандидат? Одноклассники тупоголовых, откройте зенки своим родственникам и соседям: вы хотите, чтобы вами правили инициативные людишки с семиклассным образованием?* (ЧК, 2010, № 23).

В 35% лидер-абзацев указанной разновидности автор использует обращения и знаки препинания при них как приёмы актуализации читательского внимания: *Да зайдите, наконец, в школу, посмотрите в их журналы. Только оттого, что в эпоху революции 91-го года взмутилась вверх эта подножная пыль, вы тянетесь за нею, Сыны Гранита?!* (ЧК, 2011, № 34). Обращения, репрезентированные в лидер-абзацах статей Камалова, как правило, носят иронический характер («*Одноклассники тупоголовых*») (ЧК, 2010, № 23), («*Сыны Гранита*») (ЧК, 2011, № 34), («*Достойные*») (ЧК, 2012, № 45); («*Гордые гунибы*») (ЧК, 2011, № 52) и выделяются собственно авторскими знаками препинания (двоенные восклицательные знаки, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие): *Уважаемый Макнун Меджидович!!* (ЧК, 2009, № 12).

Лингвисты отмечают, что обращение, «будучи инструментом психологической настройки в процессе коммуникации, становится одним из способов продуктивной/непродуктивной манипуляции, результатом которой могут являться как вербальные, так и невербальные реакции адресата»⁷.

Характерно, что автор не только задаёт вопросы, но и даёт на них ответы или намечает пути поисков ответа на заданные вопросы: *Но зависит ли размер зарплаты труженика от взимаемых с потребителей тарифов? Опыт показывает, что нет...* (ЧК, 2010, № 56).

Очевидно, что правильный выбор коммуникативных стратегий и тактик, в том числе выбор

невербальных средств, позволяет автору, «подталкивать» реципиента к ожидаемой реакции⁸, в частности занять активную гражданскую позицию.

Таким образом, вопросительный лидер-абзац у Х. Камалова максимально сближается по своей функции с аналитическим. Аналитический лидер-абзац содержит высокую степень концентрации средств вторичного семиозиса, что привлекает внимание читателя к основному тексту публикации. Прежде всего, речь идёт о шрифтовых выделениях: прописные буквы, курсив, жирный курсив, графоны: *По-настоящему богатые люди не сколачивают капиталы на писсуарах. Вода, газ и электричество – плохая основа для богатства. Это как высотный дом строить на замёрзшем дерьме: пока оно замёрзшее, всё нормально – и запаха нет, и фундамент прочно опирается на твёрдое основание. А вот начало теплеть и... Тогда-то, в условиях потепления, и получишь по-настоящему всё в одном флаконе* (ЧК, 2012, № 29). В данном примере, как и в 58% лидов аналитического характера, Камалов использует шрифтовые выделения и графоны, т. е. «такие графические средства, как знак ударения, дефисное слогоотделение, знаки препинания, указывающие на длительность паузы и особенности произношения (в частности, многоточие), характеризующие интонационные особенности речи персонажа: темп, тембр и др., разрядку, буквенные графические средства, графически фиксирующие особенности произношения, – все средства, объединяющие графический и звуковой образы текста»⁹.

Пolemическое начало в текстах Камалова заявляет о себе в сильных позициях текста: заголовке, лидер-абзаце и последнем абзаце. Анализируя подходы автора к выделению последнего абзаца, отметим, что Камалов предоставлял редакции СМИ, с которым он сотрудничал, сделать собственное резюме или анонсировать следующие публикации в последнем абзаце его текста (в отдельных случаях редакция размещала своего рода послесловия в посмертных публикациях Камалова). Однако собственно авторский подход к выделению заключительного абзаца заявляет о себе совершенно отчётливо.

Последний абзац авторского текста в статьях Камалова отличается краткостью, немногословностью и в то же время смысловой незавершённостью, многозначностью (*Посмотрим. Ведь тепло начинается уже ЖАРИТЬ...* (ЧК, 2009, № 38)). Многозначность последнего абзаца достаточно часто манифестируется посредством многоточий и шрифтовых выделений

Абзацное членение основного текста публикаций Камалова также имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего, необходимо указать на интенсификаторы, которые способствуют организации содержательной структуры текста. Камалов использует различные средства вторичного семиозиса: математические символы (нумерация

абзацев в основном тексте), подчёркивания. В качестве маркеров логических отношений между различными смысловыми отрезками текста выступают шрифтовые выделения (жирный шрифт, курсив), позволяющие ему удерживать внимание читателя на принципиально значимых участках текста:

1. **Ты боишься стареть. Следовательно, панически боишься смерти. И ещё боишься после ЕЁ наступления оставить своим детям земной ад. Кто, как не ты, знает, что твою «СИЛУ», твою «ВЛАСТЬ» и твою «СВОБОДУ» не простят твоим детям <...> Сможешь ли ты сказать: «Он – мой наследник! Я воспитывал его ДЛЯ СЕБЯ»? Нет. Не обольщайся. Ты не ВОСПИТЫВАЛ его, а ВЫРАЩИВАЛ. Единственное, в чём ты прав, – действительно для себя. Поэтому наследник и гражданин из него едва ли получится** (ЧК, 2012, № 5).

2. **Ты очень боишься тех, кто находится выше тебя на лестнице власти. «Федералы» – это ведь не только слово, которое придумали «журналисты и ваххабиты»; ты тоже федеральные органы называешь федералами, когда критически оцениваешь степень своей свободы от их посягательства. Боишься** (ЧК, 2011, № 46).

3. **Каждую секунду ты отдаёшь себе отчёт, что боишься боевиков. Тут можно было бы не продолжать. Разъяснений не требуется, ты лучше всякого знаешь это <...> Так где же твоя сила? Ты боишься смерти. Ты боишься федералов. Ты боишься боевиков. А кого же ты тогда не боишься? Не боишься тех, кто слабее тебя? Велико мужество. Образуясь, пока не поздно... Оглянись... Разули глаза... Раскрой сердце...** (ЧК, 2013, № 4).

Как видим, средства вторичного семиозиса в текстах Камалова взаимодействуют друг с другом, способствуя оптимальной для читательского восприятия дешифровке смыслов.

Кроме того, возможно говорить о том, что они заявляют о характеристиках языковой личности автора публицистического текста. Так, анализ шрифтовых выделений, проведённый нами по материалам 80 публикаций Камалова, позволил прийти к ряду существенных выводов. Наиболее активно автор использует прописной шрифт для привлечения внимания к концептуальной информации. Слова, набранные прописным шрифтом, являются точками входа в смысловые отрезки текста, способствуют актуализации внимания читателя по отношению к значимым положениям текста.

Анализ частотности употребления прописного написания слов показал, что автор чаще всего использует прописной шрифт для выделения следующих слов-смыслов: «ОБЩЕСТВО» (8 раз), «ВЛАСТЬ» (7 раз), «СВОБОДА» (7 раз), «СИЛА» (4 раза), «БОЕВИКИ» (3 раза), «ЧЕЛОВЕК» (3 раза), «ХОЗЯИН» (2 раза), «ОФИЦЕР» (2 раза). Кроме слов, отражающих смысловую доминанту

всего публицистического выступления, Камалов выделяет важные для понимания микросмыслов лексемы: «ПЕРСОНАЛ», «УГОЛОВНЫЙ», «РАБОТНИК», «ЭТИ», «ТЕ», «КТО», «САМ», «САМИ», «ВЫРАЩИВАЛ». «ВОСПИТЫВАЛ», «ГЕНОНОСИТЕЛЬ». Автору, таким образом, важно заявить о своём присутствии в тексте, выстроить систему логических ударений, следовать логике риторического убеждения читателя, удерживая в фокусе внимания реципиента концептуальные для авторского осмысления проблемы моменты.

Обращает на себя внимание то, что с помощью шрифтовых выделений Камалов акцентирует внимание читателя на собственно авторских словах, например «геноноситель», «донорскость», «челопреклонность», подчёркивая таким образом оригинальность авторского стиля, а также высокий уровень своей культурно-речевой компетенции.

В некоторых случаях шрифтовые выделения являются элементом языковой игры (*ПРАВОохранители*, *ПРАВОзащитники*), также нацеленной на актуализацию читательского восприятия, способствующей формированию необходимых для понимания авторской концепции ассоциаций.

Для публицистических текстов Камалова характерна тенденция сближения устной речи с письменной: «Тут я расхохотался, каюсь, не выдержал: “*Это же не доктор юридических наук. Это всего лишь май... ха-ха-ха... май... май-ор...*”, “*Не позволим другим просто так стричь наших... э-э-э... как это... потребителей*”» (ЧК, 2012, № 17). Посредством использования многоточий, разрядки, апострофов и т. д. журналист пытается передать интонационные особенности речи героя публикации, стремясь поставить читателя в ситуацию сопричастности к описываемым событиям.

Тенденция к демократизации общения между автором и читателем в текстах Камалова проявляется в использовании стилистически сниженной лексики. Однако автор с помощью невербальных сигналов (заключение слов в кавычки) сообщает читателю, о том, что она не соответствует требованиям литературной нормы, но служит средством создания экспрессивно-эмоциональной оценочности: *И зачем местному обывателю «драный» инвестор со своим «грёбаным» заводом?* (ЧК, 2010, № 34); *Игра во «взросляков»* (ЧК, 2013, № 16); *А если б «бывшие» и «отцы района», стоящие за спиной Чупанова, не зашвырнули в выборы около «пяти лямов»?* (ЧК, 2011, № 22); *Что это мы позволяем «стричь» дагестанцев какому-то там карачаевцу?* (ЧК, 2011, № 22); *Бандиты и напёрсточники их «фуфайками гоняли»* (ЧК, 2010, № 34); *Водитель, само собой, не успевал сличать предъявляемые корочки с висящим тут же списком льготников, и почти 80% пассажиров ездили «зайцами»* (ЧК, 2010, № 34).

Автор использует кавычки также в качестве способа заявить авторскую иронию, когда употребляет слова в переносном значении. Кавычки

в авторском тексте заявляют высокий прагматический потенциал, сигнализируя об ироническом осмыслении проблемы или явления: *«Договорись» с МЧС об имущественном вреде и разmere компенсаций за якобы причинённый стихией ущерб (откат до 30%)»* (ЧК, 2011, № 47); *Теперь осталось ясно осознать – пока не перестанет сверху литься этот «золотой дождь», внизу ничего расти не будет. Люди перегнивают от обилия «удобрения»* (ЧК, 2011, № 50); *Упраздни номинальные «тамадовые» министерства, объедини службы, агентства, комитеты в единые структуры* (ЧК, 2010, № 67); *А в Хиндах и Хоточ, где Алиев победил триумфально, имам даже к «совести» взывал* (ЧК, 2013, № 42).

Отдельно следует сказать о внимательном отношении Х. Камалова к персонификации событий в авторском тексте. В соответствии с журналистской практикой персонификации автор использует шрифтовые выделения (как правило, это жирный шрифт) с целью привлечения внимания не только к событию, но и к конкретному лицу: *Скажу откровенно, мне было не по себе от жалости к начальнику хасавюртовского ГИБДД некоему Будайханову; Он вместе с Рашидом Гумаровичем Нургаллиевым посетил столичную Академию управления МВД; Подполковник Абдулатипов Макмун Меджидович совсем не похож на настоящего полковника* (ЧК, 2012, № 11).

Особое место в ряду средств вторичного семиозиса, востребованных в журналистских текстах Х. Камалова, занимают курсивные выделения. Курсивом выделяются принципиально значимые для автора отрезки текста, посвящённые обсуждению жизненно важных вопросов. Этот способ невербальной акцентировки смыслов востребован абсолютно во всех привлечённых нами к анализу текстах. Примерно восьмая часть от общего объёма каждой статьи Х. Камалова выделена курсивом.

Структурирование текста с помощью шрифтовых выделений свидетельствует о стремлении автора обозначить границы неравнозначных участков текста, просигнализировать о собственно авторской логике построения текста, что необходимо для его адекватного понимания.

Курсивом выделяются предполагаемые реплики-реакции реципиента: *«Ещё 3–4 года назад в народе были популярны фантазии: олигархам и не снились богатства отдельных мэров и глав администраций. “Да что ты такое говоришь?! Ты недооцениваешь, наверно. У него столько (!) миллиардов – на правнуков уже заработал. Ты думаешь у олигархов больше денег, чем у него?! Это смешно – у него несколько миллиардов долларов пачками лежит, не в каких-то там акциях, а наличными!?”»* (ЧК, 2010, № 56). Обращает на себя внимание, что в этих репликах автор особенно активно использует невербальные средства, позволяющие ему сблизить устную и письменную речь: сдвоенные знаки препинания и тире. Жур-

налисту важно подчеркнуть, что логика выделенного высказывания ему чужда, что он использует единицы из чужого лексикона.

Курсивному выделению подвергаются цитаты из речи самого автора: «Дважды я убеждал ребят плюнуть: “Эй, победителей не судят! Бери быка за рога, пока он рядом. Потом оправдаешься и, если чувствуешь вину, попросишь извинений у народа. Не у соперника. Он сам ломает комедию. Но если <ЭТИ> опять потащат район к мраку беспробудному, тебе никто не простит. Я не хочу быть тебе помощником вопреки твоей воли, но... пойди на это”» (ЧК, 2011, № 53).

Цитируя собственный текст и выделяя его графически, автор характеризует себя как компетентную языковую личность, демонстрируя уместность употребления языковых средств в разных ситуациях общения, сигнализирует о способности переходить с одного стилистического регистра на другой, заявляет о категоричности выражения суждений, искренности и т. д.

Высокая степень структурно-языковой сложности авторских текстов Х. Камалова нашла своё отражение в системе невербальных средств, прагматика использования которых свидетельствует о стремлении автора не только выстроить продуктивный диалог с реципиентом, но и стимулировать его к определённым действиям. Метатекстовая организация статей Х. Камалова на уровне выбора невербальных способов привлечения читательского внимания к авторскому тексту отражает мыслительную и творческую активность автора. Х. Камалов использует творчески осмысленные им ресурсы невербального влияния на воспринимающее сознание, демонстрируя высокую степень

профессиональной и речевой компетенции. Автор обладает образно-аналитическим типом мышления, что отражается в логике абзацного членения текста и его смысловой многозначности, заявленной как вербальными, так и невербальными средствами.

Примечания

- 1 Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Duisburg, 1993. S. 442.
- 2 Сиротинина О. Типы речевых культур и проблема кодификации норм // Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; редкол. : Н. Ю. Шведова [и др.]. М., 2001. С. 315.
- 3 Садченко В. Вторичный семиозис в авторском тексте : автореф. дис... д-ра филол. наук. Владивосток, 2009. С. 16.
- 4 См.: Черновик (ЧК). URL: <https://www.chernovik.net/content/hadzhimurad-kamalov-0> (дата обращения: 15.09.2017).
- 5 Садченко В. Указ. соч. С. 20.
- 6 См.: Шостак М. Журналист и его произведение : практ. пособие. М., 1998. С. 81.
- 7 Там же. С. 90.
- 8 См.: Сафина А. Коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые при экспликации эпистемической модальности в английском языке // Вестн. БГУ. 2017. № 2. С. 257.
- 9 Быстрых А. Семантика и прагматика расчлененного вопросительного предложения в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. С. 15.

Образец для цитирования:

Лекова П. А. Средства вторичного семиозиса как один из способов идентификации характеристик речевого портрета журналиста // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 266–270. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-266-270.

Cite this article as:

Lekova P. A. The Means of Secondary Semiosis as a Way to Identify the Characteristics of a Journalist's Speech Portrait. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 266–270 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-266-270.